

Цзи Цинбай замер на мгновение, его улыбка наполовину исчезла, он сжал губы и не сказал ни слова.

Из-за того, что Цзи Юй боялась холода, отопление в Чертоге Юйлун никогда не выключали. Ряд людей преклонил колени, встречая императора. Только войдя, Цзи Цинбай увидел выстроенные в ряд сундуки, сваленные на полу, открытые крышки, его служанки суетились, помогая убирать.

Цзэн Дэ с сияющим от радости лицом подобострастно сказал:

— Всё это его величество выбрал для вас, госпожа. Посмотрите?

У Цзи Цинбая действительно были сложные чувства. Не думал, что однажды сам станет любимой наложницей.

Тань Чжан принял платок, чтобы вытереть руки. Он сидел на кровати архата и указал на пол:

— Выбери несколько, остальные пусть Цзэн Дэ соберёт и уберёт для тебя.

Цзи Цинбаю пришлось подойти и выбирать: один сундук с украшениями для головы и лица, один сундук с золотыми, серебряными и нефритовыми изделиями, и ещё один сундук с различными редкими предметами, которых он раньше не видел. Он десять тысяч лет был бесстрастным и бесребреником, божеством, а теперь перед глазами оказалось золотое логово, которое бывает только во снах. Даже верховный бог Цинбай был несколько ослеплён.

Император, видя, что он выбирает уже полдня и не может остановиться, несколько неодобрительно сказал, взял наугад нитку бус и велел Цзэн Дэ убрать остальное.

Цзи Цинбай, увлечённо выбиравший половину, с неловкостью убрал руку.

Тань Чжан сделал вид, что не заметил, нахмурился и сказал:

— Иди сюда.

Цзи Цинбай послушно подошёл.

Нитка бус выглядела как обычное сандаловое дерево, но раз Тань Чжан выбрал её лично, Цзи Цинбай ни за что не посмел бы её снять.

Новогодний ужин проходил в Зале Высшей Гармонии. Неизвестно, намеренно или нет, но под рукой у императора было два места: слева — вдовствующая императрица, справа — Цзи Цинбай.

Таким образом, место Цзи Юй доминировало над её номинальным отцом. Из-за расстояния Цзи Цинбай не очень хорошо различал выражение лица Цзи Мина.

Цзи Мин тоже был огорчён. По логике, он теперь был общепризнанным государевым тестем при дворе и за его пределами, на семейном пиру должен был сидеть ближе к Цзи Юй. Но не то что ближе — человека даже толком не разглядишь. Цзи Юй же вела себя так, словно не знала его, весь вечер не бросив в его сторону ни единого взгляда.

Пир проходил так удручающе, что Цзи Мин, конечно, не чувствовал вкуса еды, в душе ему было горько и обидно. В середине праздника император поднял чашу для поздравлений. Канцлер Цзи, естественно, не собирался сдаваться. Покинув место, он сказал:

— С тех пор как моя дочь вошла во дворец, в моём сердце великая тревога. Юйэр слаба здоровьем, на зимней охоте подхватила простуду, я действительно не могу успокоиться и хотел бы лично хорошенько взглянуть на дочь.

Император улыбнулся, оказался приветлив, тон его был мягким:

— Юйэр же здесь, любимый советник. Если хочешь посмотреть, смотри, как я могу помешать?

Цзи Цинбай моргнул. Он сидел прямо и очень спокойно позволил своему «отцу» «смотреть» на себя.

Цзи Мин чуть не задохнулся от злости. Он стоял на коленях в десятках шагов внизу, что он мог разглядеть?!

Тань Чжан терпеливо подождал немного, затем снова очень добродушно спросил:

— Любимый советник, уже посмотрел?

Цзи Мин...

Для Цзи Цинбая то, что происходило с Цзи Мином, его действительно совершенно не волновало. Родственные связи в мире смертных, сколь бы глубокими они ни были, с точки зрения божества были поверхностными. Всего восемьдесят лет жизни, родители и дети — максимум полвека, как это может сравниться с сиянием солнца, луны и звёзд?

Нефритовые блюда перед ним никогда не пустовали. Цзи Цинбай выбрал несколько блюд, чтобы поесть, и обнаружил, что рыба уже очищена от костей. У слуг обычно не было права касаться еды господина, а в его чашу в основном подкладывали то, что жаловал Тань Чжан. Тот, кто очищал для него рыбу от костей, определённо был не кто иной.

Цзи Цинбай съел несколько кусочков и не удержался, поднял взгляд на императора.

Черты лица Тань Чжана были опущены, запястье, держащее палочки, слегка двигалось. Подняв глаза и увидев, что Цзи Цинбай смотрит на него, он слегка приподнял бровь.

Даже если между небом и землёй существуют тысячи необъяснимых, запутанных кармических связей, здесь, в этом месте, они, казалось, потеряли всякий смысл.

Чаши поднимались, нефритовые деревья и яркие фонари, тысячи ярусов башен окрасили уголки глаз и брови Почтенного Будды.

Где уж тут быть отсутствию печали, радости, гнева и привязанности?

После семейного пира ещё предстояло бдение в новогоднюю ночь, но к Цзи Цинбаю это уже не имело отношения.

Однако при возвращении во дворец произошёл инцидент. Цзи Мин, воспользовавшись своими людьми, внедрёнными во дворец, передал ему тайное послание, твёрдо решив обязательно встретиться с ним.

Размещение своих людей в задних покоях — это почти то же самое, что допустить убийцу. Лицо Цзи Цинбая потемнело, в сердце поднялась безымянная ярость.

Конечно, он не пойдёт на встречу с Цзи Мином, а внедрённого агента тем более нельзя

отпускать. Тот думал, что он не посмеет поднять шум, но Цзи Цинбай прямо приказал окружающим слугам схватить его как убийцу. В Чертоге Юйлун ярко горели огни. Пока император бодрствовал в новогоднюю ночь снаружи, Цзи Цинбай сидел во дворце и допрашивал.

— Сколько всего людей внедрено во дворец? — Этот вопрос задала за него служанка.

Цзи Цинбай только что вошёл во дворец снаружи, на нём была ночная роса, пронизывающий холод. Вернувшись, его заставили выпить лекарство, и он прижимал к себе тёплую жаровню.

Внедрённый агент был весьма предан своему «отцу», убеждал Цзи Юй действовать ради процветания семьи Цзи на века, в словах косвенно порицал его, говоря о неверности и непочтительности, об отсутствии родовых устоев.

Цзи Цинбаю это показалось смешным. Он отпил глоток чая, поданного служанкой, и спокойно сказал:

— В три года у меня была потеря души, я был безумным двенадцать лет. Пока я был дома, канцлер не требовал от меня свершать подвиги и заботиться о предках. Почему же теперь вдруг появились такие мысли?

Человек, стоящий на коленях, запнулся. Затем Цзи Цинбай продолжил:

— Канцлер, должно быть, забыл одну вещь: через сто лет эта страна всё равно не будет принадлежать роду Цзи. Лучше не питать диких надежд.

— Он уже в годах. Если хочет уйти на покой, вернуться на родину с почётом, — Цзи Цинбай поставил чашку с чаем, раздался звонкий звук.

Он опустил взгляд на человека на полу и холодно сказал:

— Вернись и скажи ему: я могу помочь в этом, замолвить за него словечко перед императором.

Цзэн Дэ согнувшись осторожно подошёл к Тань Чжану. Императорское бдение в новогоднюю ночь заключалось в том, чтобы с несколькими внешними чиновниками в Саду Золотого Пруда пить вино, обсуждать ветер, цветы, снег, луну, стихи и песни. Только Тань Чжан всё равно не проявлял особого интереса, к вину, красоте, звукам и зрелищам относился с апатичным равнодушием.

— Спит? — Цзэн Дэ ещё не успел заговорить, как император задал вопрос.

Даже без упоминания имени главный управляющий знал, о ком спрашивают.

— Только что лёг, не ясно, спит или нет.

Помедлив, Цзэн Дэ вкратце изложил суть того, что сделал ранее Цзи Цинбай. Выслушав, Тань Чжан не проявил ни радости, ни гнева.

Через некоторое время император спросил:

— Разозлился?

Цзэн Дэ немного помедлил, с горьким выражением лица честно ответил:

— Должно быть, разгневался. Перед сном служанка убирала платок, сказала, что на нём была кровь...

Рука императора, держащая чашу, дрогнула. Цзэн Дэ увидел, как большая часть вина расплескалась, испугался и упал на колени, не смея пошевелиться.

Лицо Тань Чжана побледнело. После долгого молчания он низким голосом приказал:

— Вызови Лу Чаншэна во дворец.

Цзи Цинбай действительно закашлялся кровью не из-за гнева. Теперь его жизнь не принадлежала ему. Раньше он, возможно, мог бы рассказать Тань Чжану всё: причины из прошлой жизни, следствия в будущей, разъяснить Почтенному Будде, это не повлияло бы ни на йоту. Но сейчас, наоборот, ничего нельзя было говорить.

Неизвестно, с чего началось это отклонение. Изначально Цзи Цинбай не собирался запутываться в судьбе Почтенного Будды — шутка ли, печать Дхармы его Почтенного Будды беспредельна, выходит за пределы шести миров. Если по неосторожности слишком глубоко впутаться, ждёт Цзи Цинбая лишь рассеяние души, уничтожение изначального духа.

Он всего лишь хотел спуститься в Нижний мир помочь, но в результате помощи сам стал кармической связью Тань Чжана. Эта вина действительно была велика.

В полусне Цзи Цинбай почувствовал, что снова кто-то поит его лекарством. Когда наконец допил, он обнаружил, что находится в объятиях Тань Чжана.

Тело императора было свежим и приятным, как пригоршня тёплого снега. Столько дней заботы, для Цзи Цинбая Тань Чжан был полезнее лекарства.

Увидев, что он проснулся, Лу Чаншэн наконец с облегчением выдохнул и снова наговорил кучу всего о том, что нельзя слишком тревожиться и размышлять, гнев вредит печени.

Цзи Цинбай слушал в полуобморочном состоянии, лишь потянулся, чтобы ухватиться за рукав Тань Чжана, перевёл дух и сказал:

— Я в порядке... Который час?

Служанка рядом утирала слёзы, всхлипывая, сказала:

— Госпожа, вы проспали три дня, напугали меня до смерти.

Цзи Цинбай... Он действительно не знал, что может проспать так долго.

Лу Чаншэн, должно быть, тоже было горько. В разгар новогодних праздников, рискуя головой, приехал лечить его, да ещё и неизлечимую болезнь. Теперь, используя любое лекарство, в душе паникуешь. Ныне придворный лекарь смотрел на госпожу Цзи Юй как на мёртвую.

Цзи Цинбай пролежал несколько дней, снаружи тоже было беспокойно. Во внутренних покоях умерла группа людей, вид их был жалким и ужасным. Самое странное — на следующий день тела залили золотом и доставили к воротам резиденции канцлера.